

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ БГУ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»
АССОЦИАЦИЯ «ИСТОРИЯ И КОМПЬЮТЕР»
ПСИХОИСТОРИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

*Материалы
к международной научной конференции
Минск, 1–2 февраля 2001 г.*

Под редакцией
В. Н. Сидорцова, В. С. Кошелева, Я. С. Яскевич

Том 1

МИНСК
2000

Значительный интерес представляет демографическая история Беларуси. Актуальность таких исследований проявляется и в том, что на сегодняшний день республика переживает демографический кризис, совершая переход от среднедетной семьи к малодетной, снижается продолжительность жизни, развиваются другие деструктивные демографические тенденции. Изучение демографической истории Беларуси, ее корреляция с различными историческими процессами и явлениями даст возможность глубже понять закономерности и тенденции новейших демографических процессов в республике. Исследование демографической истории Беларуси имеет важное значение и для демографического прогнозирования и разработки эффективных мер демографической политики. Важнейшей научной задачей в настоящее время является ее всестороннее и комплексное изучение, продолжение фрагментарности в исследовании ретроспективы демографических процессов в нашей республике.

Н. И. Минуцкий

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

В настоящее время значимость антропологического подхода в гуманитарных науках возросла настолько, что конец XX в. в их развитии получил название «антропологического ренессанса». В свою очередь изменилась количественно и качественно историческая антропология. Ее становление связано с обращением к каким-то отдельным, не имеющим четких границ, темам. Сейчас это целый спектр исторических течений, связанных единым подходом. Огромное значение проблематике ментальностей придается в философии образования. Б.С. Герпунский, например, считает категорию менталитета иерархически высшей ценностной и целевой компонентой в структуре образовательно-педагогической аксиологии. По его мнению, изучение ментальностей может послужить одним из основных интегративных факторов в системе исторического образования¹.

Между тем в историческом образовании традиционно существует деление истории на изучение экономики, политики, государственности и культуры. Эти исходные понятия получили выражение в так называемых глобальных структурах, раскрывающих всеобщий механизм реализации причинно-следственных связей в общественном развитии. Ориентировка исторического образования на изучение и осмысление закономерностей и причинно-следственных связей зафиксирована в качестве доминанты изучения глобальной истории в Программе по истории для общеобразовательных школ Республики Беларусь². Естественно, что такая установка характерна и для белорусских учебников по истории.

Существует вполне очевидный разрыв между теоретическими разработками в области философии образования и практикой обучения истории. Констатация подобного противоречия вовсе не означает, что совершенно отсутствует сознание необходимости изучения истории ментальностей. Российскими педагогами, например, ставится задача определения основного (базового) содержания исторического образования для осознания учащимися себя в контексте российской и мировой культуры, российского менталитета, социо-культурных, нравственных и идейно-политических реалий. Здесь ментальность присутствует как одна из целей образования, но в перечне приоритетов содержания исторического образования история ментальностей отсутствует.

Какова же ситуация с исследованием проблем менталитета и других аспектов антропологического видения истории в научной литературе? Приоритетное значение имеют работы А.Я. Гуревича, среди которых широкую читательскую аудиторию имеет книга «Исторический синтез и Школа «Анналов». По Гуревичу история ментальностей — это отношение человека и общества к труду, собственности, богатству и бедности, образ социального целого и оценка различных социальных структур; понимания обычая и взаимодействие; формы религиозности, присущие «верхам» и «низам»; различные социально-психологические состояния; соотношение «культуры вины» и «культуры стыда»; история праздников и календарных обычаев; человеческая личность как структурная единица социальной группы; осознание национальной, племенной, государственной идентичности; биографии выдающихся людей; символика власти и восприятие политических учреждений³.

Столь длинный перечень раскрывает нам специфику историко-антропологического изучения человека и представляет собой категориальную матрицу, которой можно воспользоваться при изучении ментальностей. Этот смысл заключен в том, что главное внимание теперь обращается не на близкие исторические процессы, а на отношения между людьми в сфере экономики, политики, культуры и т. д. Таким образом, история приобретает персонализированный характер.

Обширность тематики ментальностей позволила А.Я. Гуревичу сделать заключение о качественном изменении истории ментальностей. Он с полным основанием утверждает, что современное исследование истории ментальностей преобразуется в антропологически ориентированное изучение социальной истории. Правомочность авторских рассуждений в целом подтверждается зарубежными исследованиями в области истории ментальностей⁴.

Следует признать, что новейшие междисциплинарные исследования оказались объединенными именно антропологической идеей. Общей целью стало познание «через человека, через проникновение в самосознание изучаемого времени, в его непосредственную фактуру, в повседневные условия существования»⁵, а не путем наложения категориальных схем глобальных структур на историю эпох и цивилизаций. Подобная позиция стала исходной для исследований истории повседневностей, проводимых российским ученым Г.С. Кнабе. Их диапазон очень широк и перекликается с тематикой историков ментально-

стей. История повседневностей представлена автором сквозь призму культурологического видения: систему отношений человека к природе, обществу и самому себе. Подобный подход позволил сделать предельно широкие обобщения, вскрывающие общие причины обращения представителей «новой истории» к тематике ментальностей и повседневностей.

Особо примечательным является тот факт, что книга Г.С. Кнабе адресована учащимся. Не являясь в прямом смысле учебником, она представляет собой пример философского осмысления общих теоретических проблем исторической науки и их практического применения в конкретной образовательной области. По сути дела книга является реализацией идеи создания практико-ориентированной теории исторического образования и тех задач, которые сформулированы Б.С. Гершунским. Уточняя этот момент, мы хотели бы подчеркнуть аксиологический характер изучения истории повседневной жизни и ментальностей, представленных Г.С. Кнабе. Излагаются вопросы, раскрывающие общечеловеческую ценность представлений древних римлян о гражданской общине, демократии, общественном долге, родине, жизни человека. Именно эта тематика может составить основу диалога образовательной культуры древнего и современного человека. Книга Г.С. Кнабе является первым дидактическим изложением истории Древнего Рима, в которой через вопросы повседневности представлено многообразие экономической, политической и культурной жизни этой древней цивилизации.

В какой же мере история повседневности отражена в учебной литературе? Ответ на этот вопрос дает современная теория и практика учебника. Совсем недавно, в декабре 1999 г. в Минске состоялась международная конференция на тему «История повседневности и права человека. Как учебники по истории и обществоведению могут способствовать осознанию школьниками их собственных интересов?» Эта тема стала предметом обсуждения ученых Беларуси, Германии, Грузии, Литвы, Молдовы, Польши, России, Узбекистана, Украины и Швейцарии. Такое широкое представительство свидетельствует о глубоком интересе к проблемам обновления теоретического содержания учебных курсов истории. Тематика конференции объединила интересы представителей истории, правоведения и политологии, что еще раз подтвердило полидисциплинарный характер истории повседневности.

Теоретико-методологические ориентиры конференции определялись разработкой самого понятия «история повседневности» и отдельных его составляющих. Другим важным направлением был обмен мнениями по поводу реализации разработанных моделей в учебной литературе. Предметом для обсуждения стали вопросы гендерной истории и истории «маленького человека», дидактический потенциал источников по истории повседневности. С большим интересом были выслушаны и обсуждены доклады П. Карстена, В.С. Кошелева, Р. Майера, Г.-И. Панделя, М. Телус, В.Н. Сидорцова, М. Телус, М. Фуррера и др. Одним из лейтмотивов выступлений была идея сбалансированности глобальной и повседневной истории в школьных учебниках.

В отличие от научно-исследовательской литературы, в сфере исторического образования переориентация на историю ментальностей и повседневности в значительной степени отражена теорией учебника, а практика учебника еще только начинает реализовывать теоретико-методологический потенциал «новой исторической науки». Такая сдержанность частично объясняется объективными причинами: отсутствием четкого категориального строя истории ментальностей и повседневности. Но теоретикам и практикам образования придется учитывать природу ментальностей, которая противостоит стремлению придать бессознательным представлениям форму осознанных категорий. Другая причина — традиционная консервативность образовательной системы, которой сегодня противопоставляются идеи проектирования образовательных систем и стратегия опережающего образования.

¹ Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М., 1998. С. 112–120.

² Программы па гісторыі для агульнаадукацыйных і сярэдніх школ. Мінск, 2000.

³ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 287–288.

⁴ См.: История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.

⁵ Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 160.

А. В. Курьянович

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА МИРОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВО 2-ой ПОЛОВИНЕ XX в.

Среди обозримых в настоящее время перспектив развития исторической науки немаловажное значение имеет направление, ориентирующееся на изучение повседневности. К сожалению, в отечественной историографии оно не получает сколько-нибудь широкого распространения. Сказывается влияние советской истории, в которой степень интереса к человеку была обусловлена его принадлежностью к определенному классу.

Несмотря на национальные особенности отношения к истории повседневности, одной из главных причин, вызвавших повышенный интерес к ней, по словам известного германского историка В. Шульце, стало «разрушение веры в общественный прогресс», что в свою очередь обострило внимание исследователей к обыденной жизни «маленькой личности», причем человека не только преуспевающего, но и «обиженного и отвергнутого»¹.

<i>Миранов Г. Ф., Брысина Т. Н.</i> Историчность знания как факт истории.....	79
<i>Фурс В. Н.</i> Распад «организованного модерна» как вызов социальной теории.....	82
<i>Шутова О. М.</i> Субъектно-объектные отношения в историческом познании: деобъективизация истории.....	85
<i>Позняков В. В.</i> Интерконтекстуальный анализ в историческом познании.....	89
<i>Берков В. Ф.</i> Теория понимания и методика преподавания.....	91
<i>Нечухрин А. Н.</i> О границах исторического понимания.....	94
<i>Воробьева С. В.</i> Понимание и интерпретация текста как процедуры коммуникативно-познавательного процесса.....	96
<i>Дзярновіч А. І.</i> Герменеўтычная працэдура ў гістарычнай інтэрпрэтацыі.....	99
<i>Першапшкеевіч О. В.</i> Возможности концептуального описания при реконструкции социальных категории (на примере ригведического «даса»).....	101
<i>Святец Ю. А.</i> Научная неопределенность в историческом исследовании.....	103
<i>Несцяроўіч Ю. У.</i> Тэрмін «гістарычная рэчаіснасць» як паняцце метафіласофіі.....	108
<i>Кизима С. А.</i> «Космополитизм» как термин в историческом познании.....	110
<i>Самохвалов Д. С.</i> Соотношение понятий «историческая», «психологическая» и «литературно-публицистическая» биография.....	113
<i>Гужалюўскі А. А.</i> Да пытання аб разуменні тэрміна «сацыяльная гісторыя» ў англа-амерыканскай гістарыграфіі.....	114
<i>Баранова А. С.</i> Воспитательный потенциал истории.....	118
<i>Корзун М. С.</i> Основные черты концепций истории Эллады у античных авторов.....	121
<i>Темушев С.Н.</i> Переход от первобытности к феодализму в славянском регионе.....	124
<i>Сапожникова Н. В.</i> Эпистолярная форма дискурса в нарративной повествовательной истории России XIX в.....	128
<i>Сабурова Т. А.</i> Формирование культурологического направления в провинциальной исторической науке России 1990-х гг.....	131
<i>Колесник И. И.</i> Традиционализм или постмодернизм: апории украинской истории.....	135
III. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.....	138
<i>Русакова О. Ф.</i> Модусы существования методологии истории.....	138
<i>Улахович Н. Д.</i> О методологических ориентациях в развитии социально-исторического знания.....	140
<i>Кечина Е. А.</i> Демографическая история как предмет междисциплинарных исследований.....	142
<i>Миницкий Н. И.</i> Историческая антропология: ментальность и повседневность (философско-образовательная интерпретация).....	144
<i>Курьянович А. В.</i> История повседневности как характерная черта мировой исторической науки во 2-й половине XX в.....	147
<i>Козак Кузьма, Томас Бон.</i> Скаргі як гістарычная крывіца па гісторыі паўсядзёўнасці Беларусі: метадалагічнас і арганізацыйнае забеспячэнне.....	150